

DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8424

А.В. МОЗГОВАЯ¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

АДАПТАЦИЯ К СРЕДОВЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ: РИСКИ СОЦИАЛЬНЫХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ НОВОВВЕДЕНИЙ

Аннотация. Исходным методологическим положением в статье является утверждение автором, что изменения любого уровня содержат потенциальную угрозу ущерба, то есть риск, и требуют выработки стратегии взаимодействия с этими рисками. Обосновывается актуальность научной и важной для управленческой практики задачи накопления и обобщения социологического знания о социальных и личностных детерминантах выбора стратегии адаптации населения к изменениям институциональной среды, нарушающим повседневную жизнедеятельность. Объектом исследования выступает население, предметом — детерминанты выбора стратегии адаптации к рискам средовых нововведений.

В контексте данной статьи адаптация автором трактуется как процесс выбора и реализации решения о характере действий, обеспечивающих минимальную уязвимость субъекта при взаимодействии с рисками меняющейся жизненной среды.

Для выявления детерминант, влияющих на выбор стратегии адаптации к изменениям среды, которые могут обусловить ущерб здоровью и жизненному укладу человека, использовалась методика проективной ситуации. Эмпирическую базу анализа составляют данные 27-й волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ».

Автор соотносит интерпретацию эмпирических данных с ресурсным подходом, конкретно — с идеей «совокупного жизненного ресурса» (Н.Ф. Наумова). Цель — выявить наличие связи выбора той или иной стратегии адаптации к рискам средовых нововведений с отдельными элементами и показателями совокупного жизненного ресурса.

Анализ позволил предложить расширенную типологию стратегий вынужденной адаптации к рискам средовых изменений и выявить ряд детерминирующих выбор факторов.

В целом можно утверждать, что наиболее существенный вклад в дифференциацию принадлежит такому типу ресурса, как природные способности. По отдельным признакам вклад в дифференциацию стратегий вносят: возраст, наличие жизненных целей и желание их добиваться, способность к адаптации, эмоционально-психологический статус, способ решения проблем, здоровье, удовлетворенность жизнью, гендерная принадлежность, уровень образования, социальный статус.

Ключевые слова: адаптация; выбор; детерминанты; нововведения; средовые изменения; рискованные стратегии.

Для цитирования: Мозговая А. В. Адаптация к средовым изменениям: риски социальных и технологических нововведений // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 3. С. 60–77. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8424

Введение: обоснование исследовательской проблемы, эмпирическая база, методика анализа данных

В условиях постоянных навязываемых средой нововведений жизнь требует формирования навыков адаптации к ним, которые, в свою очередь, базируются на установках, поведенческих стратегиях, сформированных в процессе взаимодействия с социальной средой, способах восприятия, типах отношений и действий. Любые изменения — от реформирования и модернизации до системных трансформаций — сопровождаются потенциальной возможностью ущербов и потерь различного типа, рядом ограничений и неудобств. Для обеспечения безопасности населения в период предотвращения и ликвидации последствий бедствий, чрезвычайных ситуаций той или иной природы зачастую требуются существенные ограничения гражданских прав и свобод. Исследовательский опыт показал, что люди в таких обстоятельствах демонстрируют различные поведенческие стратегии, и переживаемая всем человечеством пандемия коронавируса доказала, что ограничения даже в такой беде мирового масштаба готовы принять далеко не все категории граждан.

В мониторинговых и региональных исследованиях не раз измерялись позиции различных категорий населения относительно принятия/отрицания необходимости ограничений во имя безопасности. К примеру, по результатам общероссийского мониторинга 2018 г.¹ получены следующие данные. Доля полностью согласных мириться с ограничениями прав и свобод в условиях усиления мер

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS–HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

безопасности составила всего 6,7% опрошенных, из них примерно половина — респонденты в возрасте от 50 лет. Согласных принять ограничения и следовать им до разумных пределов — 44,8%, причем среди них высоки доли респондентов в возрасте 31–40 лет и 51–60 лет. Скорее не согласных — 20,1%, категорически не согласных — 19,6%. Среди протестно настроенных высока доля респондентов в возрасте 51–60 лет (предпенсионный жизненный этап). Доля респондентов, затруднившихся дать значимый ответ, составила 8,8%. Есть основания предположить, что доля саботировавших «масочно-перчаточный» режим в условиях ограничений в период пандемии коронавируса была не менее 40% населения, а их возраст — это возраст граждан страны, имеющих жизненный опыт и стратегию жизни. Приведенные данные относятся к всероссийской выборке, то есть они усредненные. Для принятия тех или иных решений в условиях чрезвычайных ситуаций такая информация, безусловно, имеет практическое значение. Однако социологу понятно, что этого недостаточно и для обеспечения эффективных решений необходимы данные о факторах, которые обуславливают различия позиций.

Конкретизируют социологическую информацию дифференцированные данные, скажем, по типу поселений, по отдельным населенным пунктам. К примеру, зафиксированы различия позиций жителей поселений различных типов. При среднем по России значении 40% в областных центрах доля противников ограничений для обеспечения безопасности составляет 36%, в городах — 42%, в поселках городского типа — 38%, на селе — 46%. Имеется дифференциация и в крупных городах: в Москве доля противников ограничений на 2018 г. составляла 33%, а в Санкт-Петербурге — 48%, в Казани — 37%, во Владивостоке — 41%, в Нижнем Новгороде — 46%.

Актуальной научной и важной для управленческой практики задачей нам представляется накопление и обобщение социально значимого знания о стратегиях адаптации населения к изменениям институциональной среды, нарушающим сложившийся порядок повседневной жизнедеятельности, и анализ факторов, влияющих на выбор той или иной стратегии.

В связи с этим необходимо определиться с понятиями. Адаптация в контексте данной статьи трактуется как процесс выбора, принятия и реализации решения о характере действий, обеспечивающих минимальную уязвимость субъекта при взаимодействии с рисками меняющейся жизненной среды.

Центральным элементом адаптации выступает ее цель, в которой «выражается стремление субъекта выйти из состояния конфликта со средой» [4, с. 18–19]. В соответствии с той или иной целью субъект строит адаптационную стратегию, представляющую собой выбранный им порядок действий, поведения и практик, ведущих к реализации цели.

Нарушение привычного повседневного порядка взаимодействия с институциональной средой зачастую связано с вероятностью ущерба и потерь, то есть с различными рисками и угрозами. В предметной области социологии риска особый интерес представляют деятельность и отношения, характеризующиеся неопределенностью, потенциальной возможностью ущерба, субъективно переживаемой уязвимостью. Эмпирическую социологию — в частности, социологию риска — интересуют факторы, на основе которых в процессе адаптации и достижения приемлемого уровня риска принимается решение об определенном действии в соответствии или против предписанных социальным контролем норм и обязанностей и, как следствие, риск за неудачу (неблагоприятные последствия).

Рисковая адаптационная стратегия отличается специфической целью — обеспечить приемлемый уровень безопасности при взаимодействии с предлагаемыми, а зачастую просто навязываемыми институциональной средой нововведениями. В таких обстоятельствах адаптация приобретает вынужденный (принудительный) характер, а выбор стратегии действий в решающей степени определяется представлениями и установками субъекта о личной ответственности за социальное поведение в условиях неопределенности. В самом общем понимании установки в отношении риска и ответственности можно типологизировать по критерию *принятия* ответственности, то есть полного и неукоснительного соблюдения норм и требований институциональной среды; *передачи* (уступки, отчуждения) ответственности в пользу другого субъекта деятельности и отношений; частичного или полного *отказа* от соблюдения норм. Принятие и передача ответственности характеризуются безопасностью (отсутствием санкций); отказ представляет собой риск-решение, последствием которого может стать применение различного рода санкций.

В исследованиях адаптационных рисков стратегий в условиях социальных изменений различного уровня выявлено несколько типов адаптации, которые коррелируют с описанными в работах, исследующих процессы адаптации и адаптационные практики [4; 5; 6].

В наиболее обобщенном понимании адаптацию делят на пассивную и активную. В исследованиях рискованной адаптации, которые на протяжении многих лет проводятся сектором риска и катастроф Института социологии ФНИСЦ РАН, также выявлены эти виды: пассивная (наблюдающая) и активная (противодействие внутри или смена жизненной среды) адаптация [9; 10].

Более поздние исследования позволили обосновать продуктивность выделения такого типа рискованной адаптации, как «протестно-поддерживающая» [3].

База данных общероссийского мониторингового исследования, в инструментарий которого был включен модуль для целевого анализа

специфики отношения и адаптации к риску², позволяет получить новое эмпирическое знание об интересующем нас социальном процессе.

Для выявления параметров, влияющих на выбор стратегии адаптации к изменениям среды, которые могут обусловить ущерб здоровью и сложившемуся порядку повседневной жизнедеятельности человека, использовалась методика прожективной ситуации. В инструментарии опроса формулировались обстоятельства, когда в жизненную среду индивида внедряется некоторое технологическое нововведение, одобренное институционально-властными структурами, но содержащее риски как для непосредственной среды обитания, так и для здоровья самого респондента и членов его семьи. Респондентам предлагалось выбрать стратегию поведения в подобной ситуации.

В целом в массиве опрошенных доля пассивных адаптантов составила 24%, активных — 66%, неопределившихся — 10%. Подобное распределение характерно для крупных территориальных общностей на том этапе, когда риски еще не просчитаны, а информация противоречива, общественное настроение не сформировано и не предъявлено институционально-властным структурам. Именно такая ситуация фиксировалась в опросе населения Сахалина на начальном этапе обсуждения проекта «Шельф». В этом и ряде других исследований респонденты, разделяющие пассивную стратегию, условно были названы «наблюдателями», активные адаптанты декларировали стратегию «борцов» и стратегию «беглецов» [10].

Объем выборки общероссийского мониторинга и использованный в опросе инструментарий позволяют более детально дифференцировать стратегии активных адаптантов. Интерпретация результатов опроса позволила выявить шесть типов стратегий, четыре из которых активные. Содержательное описание представлено в таблице 1.

Институциональных и личностных детерминант, связанных с выбором той или иной стратегии адаптации в ситуации риска, безусловно, огромное количество. Не только степень влияния, но и полный их перечень установить невозможно. Однако структурировать дискурс относительно этого множества вполне возможно, к примеру, от экономического с центральным понятием рациональности через культурологический к социологическому.

Понятие выбора вплоть до 70-х годов прошлого века преимущественно разрабатывалось в экономической сфере. Исходным считалось представление о том, что, делая выбор, индивид действует рациональ-

² Использована база 27 волны (2018 г.) «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS–HSE)». Общее количество опрошенных составило 18 234 человека. Автор статьи работал с совокупностью респондентов в возрасте от 14 лет, составившей 14 946 человек (дата обращения 15.06.2020).

но, то есть основывается на логичном и последовательном мышлении. Выбор трактовался как результат нахождения некоторого баланса между издержками и выгодами и рассматривался как «ожидаемая финансовая ценность» (Б. Паскаль, 1670 г.), позже — как «ожидаемая полезность» (Д. Бернулли, 1738 г.). К середине прошлого века сформировались аксиомы рационального выбора: в 1944 г. появилась работа Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение» [12] (русский перевод опубликован в 1970 г.), с которой специалисты связывают формирование научного направления — «теория принятия решений». «При условии, что эти аксиомы справедливы, доказывается теорема о существовании некоей функции, устанавливающей человеческий выбор, — функции полезности... С содержательной точки зрения делается предположение, что человек как бы взвешивает на некоторых “внутренних весах” различные альтернативы и выбирает из них ту, полезность которой больше» [12, с. 39].

Таблица 1

Стратегии адаптации к рискам изменений жизненной среды,
% ($N = 14\ 946$)

Наименование и содержательное описание стратегии	Доля в массиве опрошенных
«принимающая» — стратегия сосуществования	24
«организационно-протестная» (экстравертная) — принятие ответственности за организацию протестных действий	4
«лично-протестная» (интравертная) — ориентация на индивидуальный протест, принятие ответственности только за себя	5
«протестно-поддерживающая» — присоединение к коллективному противодействию	48
«протестно-устраняющаяся» — избегание взаимодействия с риском, устранение, смена среды обитания	9
«неопределенно-выжидающая» — отказ от ответа, затруднения с ответом	10

Основателями теории рационального выбора историки направления считают Джеймса Коулмена и Йона Элстера [7]. В социологии теория рационального выбора представлена в работе Дж. Коулмена «Основы социологической теории» [18].

Одно из исходных положений теории состоит в принятии за аксиому рационального поведения субъекта, точнее, возможности объяснения решения рациональностью, очевидными факторами, преимущественно экономической природы. Исследователи истории формирования теории рационального выбора установили направленность развития ее исходных положений: от «надындивидуальности» к субъективности выбора, к поведенческим наукам [16].

Со временем накопились данные, которые показывали, что не все укладывается в аксиомы экономического поведения, потребовалось обоснование «теории субъективной ожидаемой полезности», а к концу 1970-х гг. представление о том, что в реальной жизни процесс выбора гораздо сложнее и субъективнее, особенно в ситуациях риска, привело к появлению «теории перспектив» Д. Канемана и А. Тверски [19].

«Культурная теория» М. Дуглас и ее последователей строится на предположении о влиянии типов культур на выбор способа поведения. Типы культур, по убеждению сторонников концепции, характеризуются вполне определенным взглядом на мир (world views), мировоззрением, в том числе восприятием риска, от которого зависит выбор в ситуации неопределенности [2; 17; 20; 21].

Имеется достаточно аргументированной критики попыток социологической эмпирической операционализации основных положений «культурной теории». Наиболее существенным аргументом представляется то, что любой индивид одновременно «включен» в контекст не одной, а нескольких типов культур.

В связи с этим стоит отметить разработки нидерландского социолога Герта Хофстеде, который к изучению специфики культур различных народов подошел именно через эмпирический уровень анализа [15]. С 1965 по 2010 г. Г. Хофстеде и его последователям удалось создать базу опросных данных в 93 странах. К этому времени были выявлены существенные различия в культурах разных национальностей и предложена модель из шести блоков параметров, один из которых — «избегание неопределенности» — имеет отношение к проблематике риска. Несмотря на критику в основном в адрес репрезентативности собранных данных, значимость работ Г. Хофстеде для кросскультурных исследований несомненна. Для разработок, предметом которых являются параметры, связанные с отношением к риску и выработкой стратегий адаптации к риску, подход Г. Хофстеде интересен именно в сравнительных исследованиях. Для совокупности представителей одной, скажем так, культуры модель, безусловно, дает научную эмпирическую информацию, которая интересна как таковая, но требует соотнесения (сравнения) с некоторым «другим».

Социологический подход к пониманию детерминант выбора стратегии действий в ситуациях неопределенности базируется на таких понятиях, как установки, ценностные ориентации, стратегия жизни [1; 13; 14].

В настоящей статье интерпретация эмпирических данных соотносится с ресурсным подходом, конкретно — с идеей «совокупного жизненного ресурса», которую предложила Н.Ф. Наумова в 1988 г. В данной работе мы не ставим задачу полной операционализации тех видов ресурсов, которые предложены Ниной Федоровной, а именно «энергии, времени, природных преимуществ (способностей) и соци-

альных преимуществ» [11, с. 107]; интерес состоит в анализе ряда составляющих совокупного жизненного ресурса исходя из возможностей инструментария опроса.

Такой вид совокупного жизненного ресурса, как «время», в самом широком понимании как наличие и качество жизненной перспективы, рассмотрим через наличие и степень реализации жизненных целей, возраст, наличие детей, опыт жизненных потерь. Природные способности в контексте предмета статьи рассмотрим через самооценку способности к адаптации, эмоциональность/рациональность как основу поведения в ситуациях, требующих выбора способа поведения. Потенциал жизненной энергии оценим через состояние и динамику здоровья, удовлетворенность жизнью. Социальные преимущества соотнесем с гендерной принадлежностью, образованием, занятостью.

Метод конструирования целевых групп для сравнительного анализа по критериям, интересующим исследователей, требует специфического подхода к выбору приемов анализа эмпирических данных. Опыт и апробация различных методических инструментов анализа позволили определить наиболее адекватный для разработочных таблиц тип матрицы — 6–8 на 5–8 ячеек. Для каждой целевой группы оценивается и сравнивается вес доли (в %) той или иной переменной, являющейся эмпирическим референтом определенного признака (возраст, значимость, отношение, способность и т. п.). Поскольку в мониторинговых исследованиях количество респондентов вполне большое, объем совокупностей целевых групп обычно достаточный для определения статистически значимых различий по критерию хи-квадрат.

Ресурсы и выбор стратегии адаптации к рискам изменений жизненной среды

«Время»: опыт и перспективы

Такой адаптационный ресурс, как возраст, прямо или косвенно должен влиять на выбор той или иной стратегии адаптации к рискам изменений среды. Тщательный анализ связи возраста и декларируемого поведения показал, что во всех возрастных группах самая существенная доля приходится на «протестно-поддерживающую» стратегию (от 41% в возрастной группе до 17 лет до 52% в возрастной группе 51–60 лет). Из респондентов старше 61 года 40% выбрали «принимающую» стратегию. Среди выбравших стратегию организатора коллективных протестных действий самый высокий удельный вес у респондентов в возрастных интервалах 31–40 лет (25%) и 51–60 лет (29%). Такое же распределение и среди решивших действовать от себя лично (25 и 29% соответственно). Наибольшая доля готовых переселиться приходится на респондентов 31–40 лет (27%). Интересно, что среди неопределившихся высокая доля (почти половина) респондентов в возрасте 41–60 лет.

Утверждать, что определенный возраст связан с конкретной стратегией поведения в ситуации навязываемого средой риска, конечно, оснований нет. Но факт участия возраста в формировании стратегии взаимодействия с нововведениями среды обитания не вызывает сомнения. Прослеживается вполне определенная тенденция.

Самая распространенная стратегия среди респондентов всех возрастных групп — «протестно-поддерживающая». «Принимающая» стратегия преимущественно характерна для респондентов старше 61 года. В совокупности респондентов, разделяющих «организационно-протестную» и «лично-протестную» стратегии, то есть наиболее деятельностные субъектные, более половины респондентов находятся либо в активном трудоспособном возрасте 31–40 лет, либо на том жизненном этапе, когда солидный жизненный опыт сочетается с хорошим здоровьем (51–60 лет).

Возраст так или иначе связан с таким показателем, как жизненные цели. Целеполагание представляет собой составляющую не только совокупного жизненного ресурса, но и стратегии жизни в целом. В инструментарии исследования конструировалась сложная переменная по критерию не только наличия жизненных целей, но и степени их реализации и намерений их достичь. Анализ показал, что существенные различия обнаружились между респондентами, декларирующими различные стратегии, только по позиции: не все жизненные цели осуществились, но респонденты уверены, что добьются своего.

Доля таких ответов среди респондентов, разделяющих «принимающую» стратегию, составляет 30%, среди респондентов с «организационно-протестной» стратегией — 49%, с «лично-протестной» — 50%, с «протестно-поддерживающей» — 44%, с «протестно-устраняющей» — 54%, с «неопределенно-выжидающей» — 34%. Пассивные адаптанты и реализации своих жизненных целей в меньшей степени, чем активные, готовы добиваться.

Анализ показал, что наличие детей никак не связано с типом стратегии адаптации к рискам нововведений. Показатель, который в наших исследованиях мы называем «опыт потерь», также не принимает участия в формировании стратегии адаптации к рискам нововведений. По всем 12 видам жизненных потерь³ респонденты, придерживающиеся разных типов стратегий, практически не различаются. Однако

³ В инструментарии предлагался следующий перечень потерь: 1) смерть одного или обоих родителей или очень близкого человека; 2) длительная тяжелая болезнь близких людей; 3) развод родителей; 4) собственный развод; 5) развод детей; 6) разрыв с любимым человеком; 7) собственный тяжелый недуг; 8) утрата собственности (дом, квартира, машина, домашнее имущество); 9) потеря сбережений; 10) увечье или психологическая травма вследствие террористического акта; 11) потеря работы; 12) переселение из-за чрезвычайной ситуации или стихийного бедствия.

в исследованиях, где риск нововведений на момент опроса был не прожективным, виртуальным, а актуальным и острым, этот фактор обуславливал существенные различия стратегий адаптации.

Природные преимущества (способности) как жизненный ресурс

Одним из факторов, делающих возможным сам процесс адаптации, является способность субъекта к взаимодействию, точнее, к активному или пассивному приспособлению к изменениям. В контексте данной статьи важным представляется выяснить, как самооценка способности приспособляться к изменениям в жизни связана с выбором той или иной стратегии адаптации к рискам изменений. Респондентам предлагалось по шкале от 0 до 10 оценить, легко или трудно они приспособляются к изменениям в жизни. В процессе анализа данных десятибалльная шкала была преобразована сначала в пяти-, а затем в трехбалльную, причем оценка 0 и доли затруднившихся с ответом и отказавшихся отвечать в преобразовании не участвовали. Показательной оказалась шкала, которая приводится в таблице 2.

Таблица 2

Способность приспособляться к изменениям: самооценка респондентов с разными рисковыми адаптационными стратегиями, %

Стратегии адаптации	Оценки (в баллах)				
	0	1 низкая	2 средняя	3 высокая	затруднились ответить
«принимающая»	2	29	33	29	7
«организационно-протестная»	1	14	33	49	3
«лично-протестная»	0,5	16	31	46	6,5
«протестно-поддерживающая»	0,6	20	39	34	6,4
«протестно-устраняющая»	1	19	37	37	6
«неопределенно-выжидающая»	2	30	26	24	18

Респонденты с самыми активными рисковыми адаптационными стратегиями дают и самые высокие оценки своим адаптационным способностям: доля самых высоких оценок среди респондентов с «организационно-протестной» стратегией составляет 49%, с «лично-протестной» — 46%. Пассивные адаптанты (респонденты, разделяющие «принимающую» и «неопределенно-выжидающую» рисковые стратегии) либо крайне низко оценивают свои адаптационные способности, либо уходят от значимого ответа.

К ресурсу, названному «природные преимущества (способности)», относится самооценка характера эмоциональной реакции на изменение среды, к которому так или иначе придется адаптироваться.

В таблице 3 приводятся данные относительно такой реакции у представителей различных стратегий рисковей адаптации.

Таблица 3

**Эмоциональная реакция на изменения среды
у респондентов с различными адаптационными рисковыми стратегиями, %**

Стратегии адаптации	Эмоциональная реакция на изменения среды				
	тревога, рассеянность	тревога, быстро берут себя в руки	спокойствие и уверенность	никакой реакции	затрудились ответить
«принимающая»	31	36	14	17	2
«организационно-протестная»	18	54	22	3	3
«личноcтно-протестная»	18	50	26	5	1
«протестно-поддерживающая»	25	54	15	3	3
«протестно-устраняющая»	21	48	20	8	3
«неопределенно-выжидаящая»	23	36	15	12	14

Как показывают данные, респонденты с активными адаптационными рисковыми стратегиями обладают и большей психологической устойчивостью в ситуациях неопределенности. Даже устраняющиеся считают, что могут быстро обрести устойчивое эмоциональное состояние. Более того, приверженцы активной, деятельностной рисковей адаптации и ответственность в принятии решений берут на себя, что, несомненно, свидетельствует о лидерских качествах (см. табл. 4).

Таблица 4

**Способы решения проблем респондентами
с разными адаптационными рисковыми стратегиями, %**

Стратегии адаптации	Способы решения проблем			
	предпочитают переждать	самостоятельно	обращаются за помощью	затрудились ответить
«принимающая»	23	44	28	5
«организационно-протестная»	10	72	17	1
«личноcтно-протестная»	11	69	18	2
«протестно-поддерживающая»	12	64	23	1
«протестно-устраняющая»	14	63	19	4
«неопределенно-выжидаящая»	13	48	24	15

Потенциал жизненной энергии

Удовлетворенность жизнью в целом большинством практических социологов считается показателем социального самочувствия. В контексте проблематики статьи этот показатель дает представление о том, насколько жизненный и социализационный опыт совпадает с социальными ожиданиями респондентов с различными стратегиями адаптации к изменениям среды. Для визуализации результатов аналитической процедуры был сконструирован индекс удовлетворенности как отношение доли высокой оценки к доле низкой. Активные адаптанты отличаются высокой удовлетворенностью жизнью в целом, особенно активно-деятельностные адаптанты, лидеры и организаторы: индекс удовлетворенности у них 3 и более. У респондентов с «организационно-протестной» стратегией — 3 (57 к 19%), у респондентов с «личностно-протестной» — 3,1 (59 к 19%). У пассивных адаптантов индекс от 1,6 («принимающая» стратегия) до 1,7 («неопределенно-выжидающая»).

Состояние своего здоровья более половины респондентов оценивают как среднее. Наблюдается некоторая дифференциация. Во-первых, среди респондентов, принадлежащих к группе с «принимающей» стратегией, выше доля тех, кто оценивает свое здоровье как плохое (19% против 6–8% в других группах) и совсем плохое (3% против 0,6–1% в других группах). Во-вторых, в группе респондентов с «личностно-протестной» и «протестно-устраняющейся» стратегиями выше доля оценивающих состояние своего здоровья как хорошее (38–40% против 30% в других группах).

Доля отметивших отсутствие динамики (ухудшение/улучшение) состояния здоровья выше у респондентов с «протестно-устраняющейся» (70%), с «личностно-протестной» (68%) и «протестно-поддерживающей» (64%) стратегиями по сравнению с другими группами.

Социальные преимущества

О роли гендерного фактора как социального преимущества, конечно, можно поспорить, тем не менее данные анализа выявили при сходных соотношениях наличие в группе с «организационно-протестной» стратегией более высокой доли женщин (64% против 50–53% в других группах).

Данные об уровне образования респондентов демонстрируют различия, которые могут свидетельствовать о связи с той или иной стратегией адаптации к изменениям среды. В таблице 5 оригинальные позиции инструментария сгруппированы в четыре общих уровня образования.

Данные позволяют утверждать, что пассивные стратегии адаптации («принимающая» и «неопределенно-выжидающая») связаны с низким уровнем образования. Высокий уровень образования опре-

деляет субъектность, принятие ответственности на себя, организацию личностного или коллективного предъявления и отстаивания жизненных интересов.

Таблица 5

**Уровень образования респондентов,
разделяющих разные стратегии адаптации к изменениям среды, %**

Стратегии адаптации	Уровень образования				
	незакон- ченное среднее	закон- ченное среднее	среднее специ- альное	высшее, ученая степень	затруд- нились ответить
«принимающая»	25	33	23	19	—
«организационно- протестная»	11	22	29	38	—
«лично-протестная»	13	23	26	38	—
«протестно- поддерживающая»	14	28	28	30	—
«протестно- устраняющаяся»	16	26	25	33	—
«неопределенно- выжидающая»	28	30	22	20	—

Социальный статус соотносился в нашем анализе с ответом респондентов на вопрос об основном занятии на момент опроса. Различия между группами респондентов с разными стратегиями адаптации к изменениям среды выявлены для таких социальных групп, как пенсионеры, временно не работающие и не ищущие работу; предприниматели, работающие на предприятиях и в организациях. Доля пенсионеров значительно выше в группе респондентов с «принимающей» стратегией: 37% против 13–24% у респондентов с другими стратегиями. Доля временно не работающих и не занимающихся поиском занятости в среднем небольшая, но выше среди респондентов с «принимающей» и «протестно-устраняющейся» стратегиями: 7% против 3% в среднем. Доля предпринимателей по массиву в целом несущественная, но их больше среди респондентов с «лично-протестной» и «протестно-устраняющейся» стратегиями (3%). Доля работающих на предприятиях и в организациях в целом по массиву самая высокая, доля представителей этой группы ниже среди респондентов с «принимающей» (35%) и «неопределенно-выжидающей» (40%), чем с другими стратегиями (50–53%).

Выводы

Выбор — пожалуй, одно из основных действий, которое человек осуществляет не только при определении жизненной стратегии, но и в повседневной жизни. Факторы, детерминирующие выбор дей-

ствий, зависят от контекста ситуации. Однако в любых обстоятельствах субъект соотносит выбор со своей картиной мира (мировоззрением), с представлениями об ответственности за свои действия, с наличными или доступными ресурсами.

Анализ эмпирических данных в статье имел целью выявить наличие и характер связи ряда параметров совокупного жизненного ресурса (Н.Ф. Наумова) с выбором той или иной стратегии вынужденной адаптации к рискам изменений среды, к нарушению повседневного жизненного уклада.

Эмпирическая группировка декларируемых респондентами стратегий адаптации к рискам средовых нововведений выявила шесть типов стратегий, которые условно обозначены по таким критериям, как принятие/отторжение нововведений, характер протестных действий при выборе протеста, принятие/переуступка/отказ от ответственности за свои действия в условиях рисков неопределенности. Из шести типов адаптационных рисков стратегий две — явно пассивные (принять или выждать), четыре — активные и дифференцируют характер ответственности за протест: организатор протестных действий как субъект коллективной ответственности / личный протест как принятие ответственности на себя / поддержка как поверхностная ответственность / самоотчуждение от ситуации как индивидуальный протест.

Один из выводов исследования состоит в том, что активно-деятельностные стратегии (организатор или личный протест) связаны с одними и теми же детерминантами: перспективный работоспособный возраст, высокая способность к приспособлению к жизненным условиям, эмоционально-психологическая устойчивость в ситуациях неопределенности, ответственность за принятие решений, хорошее здоровье, удовлетворенность жизнью в целом, высокий уровень образования. Различия имеются по двум параметрам: среди организаторов фиксируются значительная доля женщин и доля тех, кто намерен добиваться жизненных целей.

Среди респондентов, выбравших «принимающую» стратегию, высокая доля лиц старше 61 года и имеющих образование ниже высшего.

В целом можно утверждать, что наиболее существенный вклад в дифференциацию принадлежит такому типу ресурса, как природные способности. По отдельным детерминантам вклад в дифференциацию стратегий вносят: возраст, наличие жизненных целей и желание их добиваться, способность к адаптации, эмоционально-психологический статус, способ решения проблем, здоровье, удовлетворенность жизнью, гендерная принадлежность, уровень образования, социальный статус.

Анализ однозначно подтверждает продуктивность методологии и методики, реализованных в исследовании. Результаты расширяют круг социологического знания относительно специфики выбора

стратегии социального поведения населения в условиях рисков средовых нововведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. — 299 с.
2. *Вилдавски А., Дейк К.* Теория восприятия риска: кто боится, чего и почему? / Пер. с англ. А.Д. Ковалева // THESIS. 1994. № 5. С. 268–276.
3. *Зорина А.Е., Мозговая А.В.* Работники вредных производств: средовые и личностные факторы адаптации к социальным изменениям // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 4. С. 54–68. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7656
4. *Козырева П.М.* Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004. — 320 с.
5. *Корель Л.В.* Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. — 424 с.
6. *Кузнецов П.С.* Концепция социальной адаптации. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. — 257 с.
7. *Култыгин В.П.* Теория рационального выбора — возникновение и современное состояние // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 27–36.
8. *Ларичев О.И.* Теория и методы принятия решений, а также Хроника событий в Волшебных странах: Учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Логос, 2002. — 392 с.
9. *Мозговая А.В., Шлыкова Е.В.* Неравенство в распределении рисков: ресурсы и стратегии адаптации // Россия трансформирующаяся: Ежегодник [сб. науч. стат.] / Отв. ред. М.К. Горшков: Институт социологии РАН. Вып. 14. М.: Новый хронограф, 2016. С. 358–378.
10. *Мозговая А.В.* Стратегии адаптации к различным типам рисков // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 3. С. 32–46. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7485
11. *Наумова Н.Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988. — 200 с.
12. *Нейман Дж. фон, Моргенштерн О.* Теория игр и экономическое поведение / Пер. с англ. под ред. и с добавлением Н.Н. Воробьева. М.: Наука, 1970. — 708 с.
13. *Резник Ю.М., Смирнов Е.А.* Жизненные стратегии личности. (Опыт комплексного анализа). М.: Ин-т человека РАН; Независимый ин-т гражданского общества, 2002. — 260 с.
14. *Смакотина Н.Л.* Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты: монография. М.: КДУ, 2009. — 242 с.
15. *Хофстеде Г.* Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур / Пер. с англ. В.Б. Кашкина // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 12. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2014. С. 9–49.

16. Шверт Р. Теория рационального выбора: аналитический обзор // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 43–56.
17. Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture: An Essay of the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkely and Los Angeles: University of California Press, 1982. — 221 p. DOI: 10.1525/9780520907393
18. Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1990. — 993 p.
19. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decisions under Risk // Econometrica. 1979. No. 47. P. 263–291. DOI: 10.2307/1914185
20. Thompson M., Ellis R., Wildavsky A. Cultural Theory. Boulder, Colorado: Westview, 1990. — 296 p.
21. Rippl S. Cultural Theory and Risk Perception: A Proposal for Better Measurement // Journal of Risk Research. 2002. Vol. 5. No 2. P. 147–166.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мозговая Алла Викторовна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель подразделения, Институт социологии ФНИСЦ РАН. **Телефон:** +7 (499) 128-76-54.
Электронная почта: mozgovai@yandex.ru

Дата поступления: 25.05.2021.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2021.
VOL. 27. No. 3. P. 60–77. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8424

Research Article

ALLA V. MOZGOVA¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, building 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

ADAPTING TO ENVIRONMENTAL CHANGES:

THE RISKS OF SOCIAL AND TECHNOLOGICAL INNOVATIONS

Abstract. The initial methodological position mentioned in the article is the following statement: changes at any level contain a potential threat of damage — that is, a risk — and require developing a strategy for taking on these risks. The article expands on why scientific research is relevant, and speaks of how important it is for management practices to accumulate and generalize sociological knowledge about the social and personal determinants affecting how the population chooses its adaptation strategies in response to such changes in the institutional environment that violate their traditional way of life. The study object is the population, the subject — the main determinants that define how one adapts to the risks of environmental innovations.

Adaptation in the context of this article is interpreted by the author as the process of choosing and implementing a decision pertaining to the types of actions that ensure the subject's minimal vulnerability when dealing with the risks of a changing living environment.

In order to identify the factors that influence choice of strategy for adapting to such environmental changes that may cause damage to a human being's health and lifestyle, the projective situation method was used. Data from the 27th wave of RLMS–HSE was used as the empirical data base.

The author correlates the interpretation of empirical data with the resource approach, specifically with the idea of “total life resource” (N.F. Naumova). The goal is to identify the relationship between choosing a particular strategy for adapting to the risks of environmental innovations and individual elements and indicators of total life resource. Our analysis allowed for us to propose an expanded typology of strategies for forced adaptation to the risks of environmental changes, as well as to identify a number of factors that determine the choice.

Overall it can be argued that such a type of resource as one's natural abilities seems to contribute to differentiation in the most significant way. If we look into individual factors, the following contribute to strategy differentiation: age, presence of and desire to achieve life goals, ability to adapt, emotional and psychological status, preferred method for solving problems, health, life satisfaction, gender, level of education, social status.

Keywords: adaptation; choice; determinants; innovations; environmental changes; risk strategies.

For citation: Mozgovaya, A.V. Adapting to Environmental Changes: the Risks of Social and Technological Innovations. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 3. P. 60–77. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.3.8424

REFERENCES

1. Abul'hanova-Slavskaya K. A. *Strategiya zhizni*. [Life strategy.] Moscow: Mysl' publ., 1991. 299 p. (In Russ.)
2. Vildavski A., Dejk K. Theories of Risk Perception: Who Fears What and Why? Transl. from Eng. by A.D. Kovaliov. *THESIS*. 1994. No. 5. P. 268–276. (In Russ.)
3. Zorina A.E., Mozgovaya A.V. Employees of harmful industries: outside world and personal factors of adaptation to social changes. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2020. Vol. 8. No. 4. P. 54–68. (In Russ.)
4. Kozyreva P.M. *Protsessy adaptatsii i evolyutsiya sotsial'nogo samochuvstviya rossiyan na rubezhe XX–XXI vekov*. [Adaptation processes and the evolution of social well-being of Russians at the turn of the XX–XXI centuries.] Moscow: Tsentr obshchechelovecheskikh tsennostei publ., 2004. 320 p. (In Russ.)
5. Korel' L.V. *Sociologiya adaptatsii: Voprosy teorii, metodologii i metodiki*. [Sociology of adaptation: Questions of theory, methodology and methodology.] Novosibirsk: Nauka publ., 2005. 424 p. (In Russ.)
6. Kuznecov P.S. *Kontsepsiya sotsial'noi adaptatsii*. [Social adaptation concept.] Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta publ., 2000. 257 p. (In Russ.)
7. Kultygin V.P. Rational choice theory — emergence and state of the art. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2004. No. 1. P. 27–36. (In Russ.)
8. Larichev O.I. *Teoriya i metody prinyatiya reshenii, a takzhe Khronika sobytii v Volshebnykh stranakh: Uchebnik*. [Theory and Methods of Decision Making, as well as the Chronicle of Events in Fairy Lands: A Textbook.] 2nd ed. Moscow: Logos publ., 2002. 392 p. (In Russ.)
9. Mozgovaya A.V., Shlykova E.V. Inequality in Risk Allocation: Resources and Adaptation Strategies. *Rossiya transformiruyushchayasya: Ezhegodnik*. [Transforming Russia: Yearbook.] Ed. by M.K. Gorshkov. Moscow: Novyi khronograf publ., 2016. Vol. 14. P. 358–378. (In Russ.)

10. Mozgovaya A.V. Strategies of adaptation to different types of risks. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2020. Vol. 8. No. 3. P. 32–46. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7485 (In Russ.)
11. Naumova N.F. *Sotsiologicheskie i psikhologicheskie aspekty celenapravlennoogo povedeniya*. [Sociological and psychological aspects of purposeful behavior.] Moscow: Nauka publ., 1988. 200 p. (In Russ.)
12. Nejman Dzh. fon, Morgenshtern O. Theory of Games and Economic Behavior. [Russ. ed.: *Teoriya igr i ekonomicheskoe povedenie*. Transl. from Eng. and ed. by N.N. Vorobiov. Moscow: Nauka publ., 1970. 708 p.]
13. Reznik Yu.M., Smirnov E.A. *Zhiznennyye strategii lichnosti. (Opyt kompleksnogo analiza)*. [Personal life strategies. (Experience in complex analysis).] Moscow: Institut cheloveka RAN publ.; Nezavisimiy institut grazhdanskogo obshchestva publ., 2002. 260 p. (In Russ.)
14. Smakotina N.L. *Osnovy sotsiologii nestabil'nosti i riska: filosofskii, sotsiologicheskii i sotsial'no-psikhologicheskii aspekty: Monografiya*. [Foundations of the sociology of instability and risk: philosophical, sociological and socio-psychological aspects: monograph.] Moscow: KDU publ., 2009. 242 p. (In Russ.)
15. Hofstede G. Hofstede model in context: parameters of the quantitative characteristics of cultures. Transl. from Eng. by V.B. Kashkin. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda*. [Language, communication and social environment.] Iss. 12. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet publ., 2014. P. 9–49. (In Russ.)
16. Shveri R. Rational choice theory: an analytical overview. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 1995. No. 2. P. 43–56. (In Russ.)
17. Douglas M., Wildavsky A. *Risk and Culture: An Essay of the Selection of Technological and Environmental Dangers*. Berkely and Los Angeles: University of California Press, 1982. 221 p. DOI: 10.1525/9780520907393
18. Coleman J. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1990. 993 p.
19. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decisions under Risk. *Econometrica*. 1979. No. 47. P. 263–291. DOI: 10.2307/1914185
20. Thompson M., Ellis R., Wildavsky A. *Cultural Theory*. Boulder, Colorado: Westview, 1990. 296 p.
21. Rippl S. Cultural Theory and Risk Perception: A Proposal for Better Measurement. *Journal of Risk Research*. 2002. Vol. 5. No. 2. P. 147–166.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla V. Mozgovaya — Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher,
Chief of the Department, Institute of Sociology of FCTAS RAS.
Phone: +7 (499) 128-76-54. **Email:** mozgovaya@yandex.ru

Received: 25.05.2021.
